

DOI: 10.15372/HSS20150315
УДК 94(571)''192''

В.А. ИЛЬИНЫХ

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1920-е гг.: ЭТАПЫ, ТЕНДЕНЦИИ*

Владимир Андреевич Ильиных,
д-р ист. наук, заведующий сектором аграрной истории,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: agro_iwa@mail.ru

Выявлены этапы изменения соотношения основных типов социальной мобильности сибирского крестьянства в 1920-е гг. В начале десятилетия базовым трендом его вертикальной мобильности являлось пополнение за счет других групп сельского населения и обратных мигрантов из городов, основным направлением социальных сдвигов в деревне стало обеднячивание. В середине 1920-х гг. начали нарастать масштабы сельско-городской миграции и перемещения крестьян в иные страты, горизонтальная социальная мобильность приобрела восходящую направленность. В 1928–1929 гг. миграция крестьян резко возросла, высокими темпами увеличивалась численность колхозников, рабочих совхозов и других государственных предприятий, замедлился прирост лиц, занятых кустарными промыслами, произошло снижение удельного веса зажиточных крестьянских хозяйств.

Ключевые слова: социальная мобильность, крестьянство, социальные лифты, сельско-городская миграция, стратификация деревни, нэп, аграрная политика государства, Сибирь.

V.A. ILYINYKH

SOCIAL MOBILITY OF THE SIBERIAN PEASANTRY IN THE 1920s: STAGES AND TENDENCIES

Vladimir A. Ilyinykh,
Doctor of Historical Sciences, Head of the Agrarian History Sector,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: agro_iwa@mail.ru

The article analyzes correlation between the main types of social mobility of the Siberian peasantry in the 1920s. The article's problem field deals with determining basic trends and results of social changes the country underwent under NEP conditions. This issue caused much controversy amongst the Russian and foreign researchers of the Soviet history. In the course of the research the author applied comparative-historical and statistical methods. The analysis is based on the theoretical and methodological framework of contemporary peasant studies. Identification of stages in dynamics of vertical and horizontal social mobility of Siberian peasantry along with description of their specifics during the given period have become the major outcomes of the research.

The early 1920s were marked by the ascending trend of the Siberian peasantry's vertical mobility owing to other groups of rural population and returning migrants from the urban settlements. In mid 1920s the peasant migration into towns (including the push-pull migration) resumed and increased. The share of other strata of rural community (handicraftsmen, public servants, intellectuals, workers) also increased owing to the influx of peasants. At the end of the decade rural-urban migrations increased sharply. The number of collective and state farmers, other workers of state enterprises rose sharply. At the same time increment of persons employed in handicraft industry slowed down.

In 1920–1922 the main trend in peasantry horizontal mobility was transition to the less wealthy groups ("obednyachivanie"). In 1923–1927 social mobility again demonstrated an upward trend when the share of the middle class rose significantly at the expense of the poor. A comparison of the Siberian peasantry's social structure in 1920 and 1927 shows that the NEP village of the mid-1920s was characterized not by the growing numbers of "middle" peasants (serednyaks), but by the "leveling" of peasants on the lower social layer. At the end of the decade the vector of social dynamics changed again. The share of the mid-sized farms grew while that of the wealthy ones fell.

Key words: social mobility, peasantry, social lifts, rural-urban migration, village stratification, New Economic Policy, state agrarian policy, Siberia.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

Самой крупной социально-классовой группой в Сибири в 1920-е гг. являлись крестьяне. Их удельный вес в общей численности населения региона на протяжении всего десятилетия превышал 80 %. В силу абсолютного количественного преобладания крестьян над иными стратами их социальная мобильность имела определяющее значение для социально-экономического развития региона.

Для крестьянства характерны два типа вертикальной мобильности: смена социального статуса в связи с миграцией в городские поселения и перемещение в иные страты внутри сельского социума. Интенсивность сельско-городского миграционного движения в течение 1920-х гг. изменялась от минимальной в начале десятилетия до максимальной в конце. Более того, связанное с последствиями войн и революций резкое ухудшение материального благосостояния городского населения привело к увеличению размеров обратной миграции. Жители городов, спасаясь от голода, бежали в деревню. Причем многие из них были недавними выходцами из сельской местности. По мере развития восстановительных процессов на базе нэпа перемещение крестьян в города и рабочие поселки стало нарастать. На свое прежнее место жительства возвратилась и большая часть обратных мигрантов. В конце 1920-х гг. основным фактором расширения масштабов сельско-городской миграции стала набиравшая обороты индустриализация. В 1927–1929 гг. механический прирост городского населения Сибири превышал естественный прирост более чем в 3 раза [1, с. 95].

В середине 1920-х гг. основной контингент сельских жителей, перебравшихся в город, составляла беднота и неудовлетворенная своим социальным статусом молодежь из более состоятельных категорий сельских жителей. В конце десятилетия в числе мигрантов стала лавинообразно нарастать доля зажиточных крестьян, которых выталкивала из деревни приобретающая все более агрессивную «антикулацкую» направленность аграрная политика большевистского режима. Переселившиеся в городские поселения крестьяне в основном пополняли ряды рабочего класса [2, с. 223–225]. Значительно меньшее число сельских мигрантов становились ремесленниками и служащими.

Для анализа основных направлений и содержания внутридеревенской вертикальной мобильности крестьянства необходимо определить границы между социальными группами сельского населения. Это диктуется отсутствием внешних социокультурных различий между крестьянами и представителями большинства иных страт сельского социума. Так, культура и быт собственно крестьян и проживавших на селе ремесленников были едины, тем более что практически все деревенские ремесленники также занимались сельским хозяйством, а часть крестьян вели стационарные и отхожие промыслы.

Крестьянами, по нашему мнению, являются жители деревни, семьи которых основной доход получают от сельскохозяйственного производства как в собственных хозяйствах, так и в других крестьянских хозяйствах по найму. Крестьян с относительно высо-

ким уровнем дохода от стационарных и отхожих не-земледельческих занятий (ремесло, охота, рыболовство и другие лесные промыслы, извоз, работа по найму в промышленности, строительстве, на транспорте, служба в государственных и кооперативных учреждениях и т.п.) можно отнести к переходным социально-профессиональным группам. Колхозники, не имевшие собственных дворохозяйств (члены сельхозартелей и коммун), также рассматриваются нами как переходная (маргинальная) группа. Рабочие совхозов составляют сельский отряд рабочего класса.

На рубеже 1910–1920-х гг. доля несельскохозяйственных доходов в заработках крестьян, а также удельный вес не крестьян в сельском населении Сибири сократились. В середине 1920-х гг. эти показатели стали увеличиваться. По данным 10 %-ной сельскохозяйственной переписи 1927 г., только для 5,6 % обследованных дворов Сибирского края основной источник заработка находился вне сферы аграрного производства, что позволяет не считать их крестьянскими. Население 78,9 % дворов было занято исключительно аграрным трудом, 12,1 % сочетали его с несельскохозяйственным в качестве побочного источника заработка, 3,4 % обследованных дворов получали основную часть своих доходов от работы в других крестьянских хозяйствах, т.е. относились к батрацким¹. В 1926/27 г. в Сибирском крае на отхожие промыслы ушло около 50 тыс. крестьян, что составляло 6,4 чел. на каждую тысячу сельских жителей².

Увеличивалось число проживающих в сельской местности служащих, интеллигенции, рабочих государственных сельскохозяйственных и иных предприятий, лиц, занятых в несельскохозяйственном секторе сельской экономики, в том числе кустарей и ремесленников. Так, численность учительских кадров в послереволюционное десятилетие увеличилась в сибирской деревне в 2 раза. Врачей также стало больше в 2 раза, фельдшеров – в 1,5 раза. С 1923 по 1927 г. агрономический персонал вырос в 5 раз, землеустроительный – более чем в 3 раза, ветеринарный – в 2 раза [3, с. 150]. Крестьянство являлось абсолютно преобладающим источником пополнения иных страт сельского социума. Базовым лифтом для рекрутирования интеллигенции стала система высшего и среднего специального образования. Рост числа управленцев обеспечивался в основном за счет так называемого выдвиженчества, заключавшегося в назначении на руководящие должности в партийном, советском и хозяйственном аппарате «передовых» крестьян, прежде всего членов партии, которые приобретали опыт и знания в ходе практической деятельности.

Согласно демографической переписи 1926 г. удельный вес различных социально-профессиональных категорий жителей деревни (вместе с членами се-

¹ Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928. С. 162–163.

² Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 г. М., 1929. С. 15.

мей) в общей численности сельского населения имел следующие значения: крестьян-земледельцев, включая батраков, работавших в крестьянских хозяйствах, и колхозников – 91,7 %, лиц, занятых в других отраслях сельского хозяйства, – 1,7, кустарей-ремесленников – 1,9, служащих – 1,8, рабочих государственных промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий – 3,2 %³.

В конце 1920-х гг. вертикальная социальная мобильность сельского населения Сибири имела разноректорный характер. Ускорился прирост количества служащих. Возросла интенсивность отходничества. В 1928/29 г. сибирская деревня отпустила в отход 194 тыс. чел. [4, с. 567]. Развернувшееся индустриальное строительство требовало все больше рабочих рук. Резко увеличилось налогообложение ряда неземледельческих занятий [5, с. 41–42], что замедлило прирост соответствующей категории сельских жителей. После принятия XV съездом ВКП(б) курса на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства численность колхозников⁴, а также рабочих совхозов стала быстро увеличиваться.

Классическим типом вертикальной мобильности крестьянства является его социально-классовая дифференциация в условиях развития капиталистических отношений. Менее состоятельные крестьяне разорялись, лишались собственного хозяйства и становились профессиональными сельскохозяйственными рабочими. Часть более зажиточных крестьян по мере накопления капитала преобразовывала свои крестьянские хозяйства в предпринимательские (фермерские) и вливалась в класс сельской буржуазии. В конце XIX – начале XX в. под влиянием развития рыночных отношений имущественная дифференциация сибирского крестьянства приобрела более ярко выраженный социальный характер. В низших слоях деревни проявлялись элементы пролетаризации, в высших – фермеризации.

В ходе Гражданской войны капиталистические хозяйства, в том числе имевшие крестьянское происхождение, были ликвидированы. В условиях нэпа имущественная дифференциация крестьянства так и не вышла на уровень социально-классовой. Численность работавших в сфере аграрного производства предпринимательских хозяйств была статистически ничтожной. Зажиточные крестьяне, в том числе официально отнесенные к разряду кулаков, продолжали вести крестьянское хозяйство, социокультурно от крестьянства не обособлялись, а оставались его особым социально-имущественным слоем. Зажиточность являлась одним из имманентно присущих крестьянскому семейному дворохозяйству этапов его социального саморазвития, детерминированного изменениями в размере и составе крестьянской семьи. Так, молодая семья, состоявшая из мужа, жены

и малолетних детей, была относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства вероятностным образом приводили к его превращению в зажиточное. Раздел семьи означал появление новых, относительно менее состоятельных дворов. Таким образом, многолюдное крестьянское хозяйство, как правило, являлось зажиточным, а малолюдное – маломощным⁵.

Батраки, работавшие в крестьянских хозяйствах на постоянной основе, также являлись составной частью крестьянства. Многие из них не были способны вести собственное хозяйство по экономическим или психологическим причинам. В 1927 г. среди работников, нанятых в крестьянских хозяйствах Сибири, 45 % составляли одиночки (бобыли, бездетные вдовы и вдовцы, сироты и т.п.) [8, с. 177]. Часть семей, члены которых постоянно работали по найму, в начале 1920-х гг. бежали от голода из Поволжья в Сибирь. Они не успели завести хозяйство, но стремились к этому. Исходя из вышеизложенного, мы относим социально-имущественную дифференциацию сибирского крестьянства в 1920-е гг. к проявлению горизонтальной мобильности, которая заключается в смене социальной позиции в пределах данного социума. Выделяется три основных типа горизонтальной мобильности крестьянства: восходящий (переход хозяйств в более высокие имущественные группы), нисходящий (переход в менее состоятельные группы) и нивелировка (увеличение удельного веса одной из социально-имущественных групп за счет других).

Крестьянство имело сложную и постоянно изменяющуюся внутриклассовую структуру. Традиционно сами крестьяне (а вслед за ними и эксперты) выделяли в своей среде три основные социальные группы, которые имели не только имущественные, но и социокультурные различия: бедняки, середняки и зажиточные (кулаки). Указанные группы, в свою очередь, были стратифицированы по имущественному признаку, существовали переходные группы. Определение границ между основными и переходными группами крестьянства, являющееся одной из традиционных проблем отечественной историографии, имеет аналитически спекулятивный характер. Эксперты, а затем и историки, решая данную задачу, исходили из собственных идеологических и политических убеждений [9; 10].

Установить четкие рубежи между отдельными стратами внутри крестьянства практически невозможно в силу их подвижности в историческом времени и

³ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 23. С. 2–3, 59, 61–63.

⁴ На 1 июля 1927 г. в колхозах состояло 0,7 % крестьянских дворов Сибирского края, на 1 октября 1929 г. – 6,7 % [6, с. 219, 281].

⁵ По данным гнездовой динамической переписи 1927 г. в Сибирском крае, дворы без средств производства состояли из 2,7 чел., включая 1,3 трудоспособных, со средствами производства стоимостью до 100 руб. – соответственно из 3,7 и 1,8 чел., от 101 до 200 руб. – из 4,2 и 2,1 чел., от 201 до 400 руб. – из 4,9 и 2,4 чел., от 401 до 800 руб. – из 5,8 и 2,8 чел., от 801 до 1600 руб. – из 6,7 и 3,3 чел., со стоимостью средств производства свыше 1600 руб. – из 8,1 и 3,9 чел. [7, с. 277].

природно-географическом пространстве. В каждом районе, в каждой деревне были свои критерии принадлежности к той или иной группе. Даже применение относительно совершенных методик может привести лишь к условным результатам. Однако условность внутриклассовых границ не является препятствием для

достаточно точного определения основных тенденций социальной мобильности крестьянства. Вполне применимыми для данной цели являются группировки крестьянских хозяйств по натуральным признакам: посевам, рабочему и продуктивному скоту, которые приведены в табл. 1 и 2.

Т а б л и ц а 1

Группировка крестьянских хозяйств Сибири по обеспеченности посевами по данным выборочных переписей, %*

Год	Без посева	С посевами, дес.							
		до 2	2–3	3–4	4–6	6–8	8–10	10–16	свыше 16
1920	12,9	21,9	12,1	10,5	16,1	9,8	6,1	7,7	2,9
1922	7,7	44,0	26,7		11,8	7,3		2,0	0,5
1923	3,6	39,0	30,7		14,5	9,6		2,2	0,4
1924	3,7	35,3	18,7	14,2	15,8	6,9	2,8	2,1	0,5
1925	7,1	33,5	17,3	13,0	15,8	6,9	3,3	2,5	0,6
1926	5,7	25,9	15,8	13,3	18,2	9,7	5,0	4,9	1,5
1927	6,9	24,1	14,3	12,8	18,3	10,3	5,7	5,9	1,7
1928	6,6	22,8	13,5	12,5	19,3	11,6	6,2	6,1	1,4
1929	5,4	21,1	13,2	12,9	20,7	13,2	7,1	5,7	0,7

*Составлено по: Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 98–101; [11, стб. 700]; Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 270–271.

Т а б л и ц а 2

Группировка крестьянских хозяйств Сибирского края по обеспеченности скотом, %*

Год	Без скота	Со скотом, голов			
		1	2	3	4 и более
<i>С рабочим скотом</i>					
1920	9,4	20,1	30,6	19,7	20,2
1922	9,7	28,6	33,7	15,5	12,5
1923	11,8	31,0	32,3	14,4	10,5
1924	8,8	27,9	36,4	15,8	11,1
1925	10,0	28,9	36,5	14,9	9,7
1926	10,7	29,3	37,3	14,0	8,7
1927	10,2	28,6	38,1	14,3	8,8
1928	8,7	27,0	39,3	15,5	9,5
1929	8,0	28,1	43,7	13,9	6,3
<i>С коровами</i>					
1920	8,8	32,1	29,9	14,1	15,1
1922	8,4	43,1	29,6	10,8	8,1
1923	10,4	43,5	26,8	10,3	9,0
1924	8,3	42,8	29,5	10,4	9,0
1925	7,8	40,5	30,7	11,7	9,3
1926	7,6	37,3	30,9	12,7	11,5
1927	6,6	36,0	31,5	13,6	12,3
1928	6,1	34,9	31,7	13,8	13,5
1929	6,4	39,0	32,4	11,8	10,4

*Составлено по: Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. М., 1927. С. 149; Сибирский край. С. 270–271.

Примечание: Сведения за 1920, 1924–1929 гг. приводятся по данным выборочных сельскохозяйственных переписей, за 1922 и 1923 гг. – по данным гнездовых динамических переписей.

Сравнение данных сельскохозяйственных переписей 1920 и 1922 гг.⁶ позволяет сделать вывод о нивелировке сибирского крестьянства на существенно более низком (бедняцком) имущественном уровне. Произошло резкое снижение числа хозяйств, засевающих от 6 до 10 дес. (с 15,9 до 7,3 %) и свыше 10 дес. (10,6 до 2,5 %), и не менее значительное увеличение удельного веса хозяйств, засевающих до 2 дес. (с 21,9 до 44,0 %) соответственно. Доля дворов с посевом от 2 до 4 дес. выросла с 22,6 до 26,7 %, а от 4 до 6 – сократилась с 16,1 до 11,8 %. Свообразным проявлением обеднячивания сибирской деревни стало снижение удельного веса беспосевных дворов (с 12,9 до 7,7 %). Сокращение числа зажиточных крестьян привело к уменьшению спроса на наемную рабочую силу, и бывшие батраки, чтобы выжить, вынуждены были произвести посев.

За два года удельный вес малоскотных хозяйств увеличился (с одной головой рабочего скота – с 20,2 до 28,6 %, с двумя – с 30,6 до 33,7 %; с одной коровой – с 32,1 до 43,1 %), а доля дворов, имеющих более двух голов скота, снизилась (по рабочему скоту – с 39,9 до 28,0 %, по коровам – с 29,2 до 18,9 %). Доля дворов, не имеющих скота, изменилась незначительно.

Основной причиной тотального обеднячивания сибирского крестьянства стал глубокий сельскохозяйственный кризис начала 1920-х гг., вызванный сверхнормативным обложением деревни в рамках продразверстки и первого продналога, а также двумя подряд неурожаем зерновых и трав.

Начавшееся в 1923 г. восстановление аграрного сектора экономики Сибири на базе нэпа позитивно сказалось на динамике социальной мобильности крестьянства, которая приобрела восходящую направленность. В 1922/23–1923/24 учетных годах⁷ существенно сократился удельный вес беспосевных дворов и хозяйств, засевающих до 2 дес. (с 44 до 35,3 %), увеличилась доля групп с посевом от 2 до 16 дес. С 1924/25 г. началось сокращение удельного веса хозяйств, засевающих от 2 до 4 дес. (с 48 до 61 %). Отличительной чертой 1924/25 г. стал заметный рост числа беспосевных дворов (с 3,7 до 7,1 %), что свидетельствует о восстановлении рынка наемной рабочей силы. В 1925/26 г. процесс перехода из низших посевных групп в высшие ускорился. При этом наибольший прирост дали группы с посевом от 6 до 10 дес. и свыше 10 дес. (соответственно на 43 и 93 % от уровня предыдущего года). В 1926/27 г. темпы сокращения доли малопосевных и увеличения средне- и крупнопосевных снизились.

Уменьшение удельного веса бескоровных и однокоровных дворов и увеличение доли хозяйств с двумя и более коровами началось в 1923/24 г. и происходило относительно медленно. Аналогичная тенденция

в изменении соотношения групп по обеспеченности рабочим скотом проявилась лишь в 1926/27 г. Количество безлошадных дворов увеличивалось вплоть до 1925/26 г. В 1923/24 г. удельный вес хозяйств с одной головой уменьшился (с 31 до 27,9 %), а с двумя и более – вырос (с 32,3 до 36,4 %). Итоги 1924/25 и 1925/26 гг. были менее позитивными: произошел рост групп с одной и двумя лошадьми и сокращение числа более обеспеченных хозяйств.

Социальная мобильность крестьянства в середине 1920-х гг. в официальных документах большевистской партии, а затем и в советской историографии однозначно трактовалась как осереднячивание. В это время действительно произошло значительное увеличение удельного веса средних слоев за счет бедноты. Однако для того, чтобы выявить итоги социальных сдвигов, произошедших в сибирской деревне в годы нэпа, нужно соотнести материалы сельскохозяйственных переписей 1927 и 1920 гг. (см. табл. 1, 2). Удельный вес беспосевных и малопосевных дворов в 1927 г. по сравнению с 1920 г. в зависимости от того, какую из обозначенных в историографии границ между низшей и средней группой крестьянства принять, либо несколько снизился (в 2 дес. – на 3,8 п.п., в 3 дес. – на 1,6 п.п.), либо незначительно вырос (в 4 дес. – на 0,7 п.п.). Доля дворов без коров и с одной коровой увеличилась на 1,7 п.п. Удельный вес дворов с одной головой рабочего скота и не имеющих такового повысился с 29,5 до 38,8 %. Абсолютное число этих хозяйств выросло, по нашим подсчетам, более чем в 1,5 раза. Хозяйств с посевом от 8 дес. и более в относительных величинах стало меньше в 1,3 раза, с посевом от 10 дес. и более – в 1,4 раза, с 4 коровами и более – в 1,2 раза, с 4 головами рабочего скота и более – в 2,3 раза.

В итоге в сибирской деревне в 1920–1927 гг. произошло сокращение числа зажиточных хозяйств, но в то же время доля бедноты не только не уменьшилась, но даже увеличилась, поскольку абсолютное большинство дворов с одной головой рабочего скота применительно к региону можно с полным основанием отнести к бедняцким.

В 1927/28 г. в Сибири наблюдалась в целом положительная динамика социальной мобильности. Удельный вес дворов без коров и лошадей и с одной головой снизился, а всех остальных групп – повысился. В группировке по посеву наблюдалось продолжение снижения доли малопосевных. Однако впервые за 5 лет число хозяйств с посевом более 10 дес. не только не повысилось, но даже несколько уменьшилось. Начавшаяся нивелировка крестьянства стала следствием политики государства по расширению помощи бедноте и экономическому ограничению зажиточных слоев.

В 1928/29 г. усиление экономического и политического давления на зажиточных крестьян привело к нарастанию нивелировки деревни. Весенняя выборочная сельскохозяйственная перепись 1929 г. зафиксировала продолжающееся сокращение доли беспосевных и малопосевных хозяйств. Удельный вес хозяйств с посевом более 10 дес. снизился почти в 1,2 раза. По-

⁶ Итоги выборочной сельскохозяйственной переписи 1921 г. по Сибири в целом не выявлены. Гнездовая перепись 1921 г. проводилась только в западной части региона.

⁷ Под учетным годом понимается период между двумя переписями, проведенными в предшествующий и текущий годы.

высилась доля хозяйств с одной и двумя головами и снизилась – с тремя и более (в том числе с 4 и более рабочими лошадьми – на 1/3, с 4 коровами и более – более чем на 1/5). В дальнейшем в течение года процессы снижения мощности зажиточных хозяйств, их самоликвидации и сокращения удельного веса еще более усилились. Соответственно нарастающими темпами уменьшалось число работающих в крестьянских хозяйствах батраков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Население Западной Сибири в XX веке: [кол. моногр.] / отв. ред. Н.Я. Гушин, В.А. Исупов. Новосибирск, 1997. 172 с.
2. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.): [кол. моногр.] / отв. ред. А.С. Московский. Новосибирск, 1982. 425 с.
3. *Осташко Т.Н.* Сельская интеллигенция Сибири. Конец 1919 – 1927 г. Новосибирск, 1988. 174 с.
4. Историческая энциклопедия Сибири / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2009. Т. II. 808 с.
5. Политика раскрестьянивания в Сибири / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. 214 с.
6. *Гушин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. 520 с.
7. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. 320 с.
8. Историческая энциклопедия Сибири / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2009. Т. I. 716 с.
9. *Ильиных В.А.* Социальная мобильность сибирского крестьянства: дискурс 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 85–89.
10. *Ильиных В.А.* Социальная мобильность сибирского крестьянства в 1920-е гг.: историография проблемы // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1: История. С. 150–157.
11. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II.

REFERENCES

1. West Siberian population in the XX century. Novosibirsk, 1997, 172 p. (In Russ.)
2. The working class of Siberia in the period of socialism building (1917–1937). Novosibirsk, 1982, 425 p. (In Russ.)
3. *Ostashko T.N.* Rural intelligentsia of Siberia. Late 1919–1927. Novosibirsk, 1988. 174 p. (In Russ.)
4. Historical encyclopedia of Siberia. Novosibirsk, 2009, vol. II, 808 p. (In Russ.)
5. The policy of “raskrestyanivaniya” in Siberia. Novosibirsk, 2000. Iss. 1: Stages and methods of liquidation of the peasant farms. 1930–1940, 214 p. (In Russ.)
6. *Gushchin N.Ya.* Siberian village on the road to socialism. (Social-economic development of the Siberian village during the socialist reconstruction of the national economy. 1926–1937). Novosibirsk, 1973, 520 p. (In Russ.)
7. *Danilov V.P.* Pre-collective farm Soviet village: population, land use, peasant farm. Moscow, 1977, 320 p. (In Russ.)
8. Historical encyclopedia of Siberia. Novosibirsk, 2009, vol. I, 716 p. (In Russ.)
9. *Ilyinykh V.A.* Social mobility of Siberian peasants: discourse of the 1920s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2014, N 4, pp. 85–89. (In Russ.)
10. *Ilyinykh V.A.* Social mobility of Siberian peasantry in 1920s: the problem historiography. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya*. 2015, vol. 14, iss. 1: istoriya, pp. 150–157. (In Russ.)
11. Siberian Soviet encyclopedia. Novosibirsk, 1931, vol. II. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 22.04.2015

DOI: 10.15372/HSS20150316
УДК 94(571)»1899/1933»

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

ТРАНСПОРТНАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.: ОТ РЫНОЧНОЙ К РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Галина Михайловна Запорожченко,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: galinakoop@yandex.ru

В центре внимания автора – опыт кооперативов рабочих и служащих железнодорожного и водного транспорта Сибири в 1899–1933 гг. Автор исследует причины и обстоятельства утраты транспортной потребительской кооперацией статуса самостоятельной организации, закончившейся ее организационным поглощением государственной торговлей. Показано резкое ухудшение условий хозяйственной деятельности кооперации на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с проведением индустриализации и коллективизации, централизованным распреде-